
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОЕВ: ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 94(571.1/.5)
ББК 63.3(253)

А.А. ИВАНОВ

«ЗНАТНЫЕ ССЫЛЬНЫЕ» В.Н. ШЕРСТОБОЕВА

Настоящая публикация посвящена анализу статьи Вадима Николаевича Шерстобоева «Знатные ссыльные», подготовленной им для второго тома книги «Илимская пашня», но по не выясненным до сих пор причинам не вошедшей в текст издания. Статья была обнаружена автором в личном фонде Шерстобоева, хранящемся в Государственном архиве Иркутской области и приводится без сокращений, с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Публикуемый документ предваряют обширные комментарии, в которых автором изложены причины появления знатных ссыльных в Илимском округе в конце XVII — начале XVIII в. В заключение сделан вывод о том, что В.Н. Шерстобоев сумел достоверно описать особенности занятости, материального положения и служебного роста уголовных и политических ссыльных. Высказана гипотеза, согласно которой В.Н. Шерстобоеву по идеологическим соображениям не разрешили включить в книгу параграф «Знатные ссыльные», как не укладывавшийся в рамки официальной доктрины об освоении Сибири «людьми простого труда», крестьянами, а не сосланными сюда князьями и боярами.

Ключевые слова: уголовная и политическая ссылка, штрафная колонизация, Илимский округ, история XVII–XVIII веков, В.Н. Шерстобоев, «Илимская пашня».

А.А. IVANOV

«NOTABLE EXILED» OF V.N. SHERSTOBOYEV

The present publication is devoted to the analysis of article of Vadim Nikolaevich Sherstoboyev «Notable exiled» prepared by it for the second volume of the book «Ylym Arable Land», but for the reasons which aren't found out still which didn't enter the text of the edition. Article was found by the author in the personal fund of Sherstoboyev which is stored in the State archive of the Irkutsk region and is provided without reductions, with preservation of spelling and a punctuation of the original. The published document is preceded by extensive comments in which the author stated the reasons of appearance of notable exiled in the Ylym district at the end of XVII — the beginning of the XVIII century. The conclusion that V.N. Sherstoboyev managed to describe authentically features of employment, finan-

cial position and office growth of criminal and political exiled is in summary drawn. The hypothesis, according to which V.N is stated. To Sherstoboyev for ideological reasons didn't allow to include in the book the paragraph «Notable Exiled», as not keeping within a framework of the official doctrine about development of Siberia by «people of a simple labor», peasants, but princes and boyars who aren't banished here.

Keywords: criminal and political exile, penal colonization, Ylym district, history of the XVII–XVIII centuries, V. N. Sherstoboyev, «A Ylym arable land».

«Илимская пашня» Вадима Николаевича Шерстобоева — интереснейший и до конца еще не оцененный историографический документ для любого историка, изучающего прошлое Сибири. Проблемы заселения и освоения обширной территории, хозяйственный быт первых насельников, организация управления, структура городского общества, географические и климатические особенности обширнейшей территории, выращивание сельскохозяйственных культур, традиции и верования жителей, взаимоотношения с инородцами — вот далеко неполный перечень вопросов, получивших основательное изучение на страницах двухтомника.

Особое место в исследовании В.Н. Шерстобоева отведено уголовной и политической ссылке. Трактую «штрафную колонизацию» как важнейший источник пополнения русского населения необжитого края, заведения здесь «государевой пашни», хозяйственного освоения стратегически важной территории и укрепления «государева» присутствия на севере Сибири, в Забайкалье и на Дальнем Востоке, автор «ссылочной» тематике уделяет весьма заметное внимание. Да иначе и быть не может: сибирские земли заселяли не только организованные переселенцы — «люди по прибору». Как правило, вместе с казаками селили людей подневольных, сосланных из центра страны за действительные или мнимые «вины».

Как известно, второй том «Илимской пашни» был издан гораздо позднее первого (1949, 1957) и претерпел существенные сокращения при редакционной подготовке. Так, из 1790 страниц составителями было исключено более трехсот и оставлено лишь 1469 [6, с. 68–69]. Помимо прочих сюжетов, из тома исчез и небольшой по объему параграф под названием «Знатные ссылочные». Исследование личного фонда В.Н. Шерстобоева Р-2683, собранного в Государственном архиве Иркутской области, принесло ожидаемые результаты: несколько страниц машинописного текста с вышеприведенным названием были обнаружены нами в деле номер 73, озаглавленном: «Монография «Илимская пашня». Том 2. (Илимский край в II–IV четвертях XVIII в.). Глава 16: «Судебные дела и ссылка». Второй вариант. Машинопись с правками автора, чернила. Начато — . Окончено: 1951». Посвятим настоящую статью анализу этого неизданного материала [1, л. 67–75].

В параграфе «Знатные ссыльные» несколько героев — князь Михаил Ураков, князь Сергей Ухтомский, бывший канцелярист юстиц-коллегии Кристенсон, инспектор Карл Людвиг Ланг, обвиненный в измене, а также «какой-то» монах Феофилакт. Если о первых рассказано довольно подробно, то судьбе последнего посвящен лишь небольшой абзац — это, видимо, все, что удалось собрать В.Н. Шерстобоеву. Материал написан живо и динамично, документы подобраны и обобщены столь талантливо, что перед читателем отчетливо возникают яркие картины тех далеких дней.

Главные персонажи параграфа попали в Илимский край не по своей воле. Все они — ссыльные, определенные сюда в наказание за различные преступления. Ураков — за банальную кражу военной формы, остальные, по всей видимости, «за измены» — дворцовые перевороты и хитроумные политические интриги в столице империи исправно поставляли на ее далекую окраину подобных авантюристов. Примечательно, что абсолютное большинство таких «знатных» ссыльных не испытывали здесь тягот тюремного заключения и строжайшей изоляции, а получали по прибытии чин и звание, становились во главе казачьих отрядов, возглавляли ответственные службы, собирали и берегли ясак и царскую казну, вели переговоры с послами соседних и не всегда дружелюбных племен и держав.

Вот, например, Никифор Романов Черниговский, польский военнопленный, принятый на русскую службу в 1634 г. За попытку «бежать в Литву» он был выслан в Енисейск, затем отправлен на Лену и жил в Илимске, Киренске, Усть-Куте, служил здесь пятидесятником и приказчиком. Обличенный доверием местных властей, ездил в Москву, отвозил государев ясак. В 1666 г. Черниговский вместе с илимскими казаками, среди которых были и ссыльные, самовольно «ушел» на Амур, отстроил Албазинский острог и без поддержки правительства удерживал его в течение ряда лет, возобновив тем самым в регионе русское присутствие [5, с. 41–130].

Никифор Черниговский — далеко не единственный пример знатного ссыльного на государственной службе. Согласно подсчетам А.С. Зуева и Н.А. Миненко, в 1725–1740-е гг. в Сибирь за «важные вины» было сослано не менее 74 высокопоставленных политических деятелей и придворных вельмож [4, с. 26–27]. С Иркутском связана судьба немалой части опальных: это обер-церемониймейстер двора Петра Великого граф Де-Сантис, обер-прокурор Сената Г. Скорняков-Писарев, генерал-полицеймейстер Санкт-Петербурга А. Девиер, замешанный в заговоре против А.Д. Меншикова, князь А.А. Черкасский, обвиненный в сговоре против императрицы Анны Иоанновны, сподвижник В. Беринга Д.Л. Овцын, Ф.И. Соймонов и некоторые другие.

Из выше перечисленных наиболее заметную роль в истории Сибири сыграл Ф.И. Соймонов. В 1740 г. вице-адмирал и вице-президент Ад-

миралтейской коллегии Соймонов был привлечен к следствию по делу Артемия Волинского, лишен всех чинов и званий, бит кнутом и сослан в каторжные работы на строительство Охотского порта. Взошедшая на престол Елизавета освободила его из ссылки, а в 1753 г. ему предложили возглавить Нерчинскую секретную экспедицию, заняться исследованием и заселением обширного края за Байкалом. Исправляя эту должность, Соймонов стремился к «упорядочению ссыльного дела», облегчению участи тысяч каторжных и приписных крестьян. С его именем связано открытие навигацких школ в Нерчинске и Иркутске, учреждение Морской школы в Охотске, строительство маяка на Байкале и гавани при Посольском монастыре. В 1757 г. он был назначен сибирским губернатором, и его шестилетнее правление отличалось активной борьбой со взяточничеством. Закончил свою политическую карьеру Ф.И. Соймонов в чине действительного тайного советника [2].

Герои В.Н. Шерстобоева также делают в Илимской ссылке завидную карьеру. Ураков из обычного каптенармуса становится здесь «писчиком» — должность с учетом поголовной неграмотности казачьего населения немаленькая, затем назначается и вовсе приказчиком. Ухтомский из бывшего вахмистра также шагает в приказчики, а канцелярист Кристенсен — получает чин сотника, а затем «исправляет должность полицмейстера». При этом для властей Енисейска не важно, подлинны ли это князья или нет (сомнения возникают по ходу сюжета, и большие) — здесь, на границе страны, человек ценится не «по породе», а по личным деловым качествам: отваге, житейской сметке, предприимчивости и удачливости.

Ну ладно, князья, скажет читатель, теперь понятно за что они могли попасть на Илимскую землю за несколько тысяч верст от Москвы или Санкт-Петербурга. Но как здесь оказался швед Кристенсен?

На самом деле, ничего невероятного и здесь нет. Сибирская ссылка пополнялась не только за счет русских служивых людей. Едва ли ни ранее всего сюда отправляли военнопленных, что считалось проявлением милости к противнику. Уже в 1711 г. за Уральский камень было сослано большое количество солдат регулярной шведской армии Карла XII, взятых в плен после битвы под Полтавой и Переволочной. В плену оказалось по разным подсчетам от 20 до 25 тыс. человек. Сначала они размещались в Свияжске, Казани, Азове и Воронеже, затем были отправлены в Сибирь. Самое большое число пленных — до одной тысячи человек — осели в Тобольске, однако кроме этого шведов размещали в Нарыме, Березове, Таре, Томске, Енисейске, Туруханске, Иркутске, Нерчинске, Якутске, Селенгинске, Илимске, Киренске. Они несли в сибирское общество европейскую бытовую культуру, новые профессиональные навыки и ремесла. В Илимске, например, отбывал ссылку «швецкого полону генерал отъютант Канифер», который занимался здесь выращиванием хмеля и производством вина [8, с. 44].

Ну а монах? И этим опальным всегда находилось место в Илимском воеводстве. Приведем здесь один, но самый яркий пример — протопоп Аввакум. В 1653 г. он за «многое безчинство» был сослан «з женою и з детьми в сибирский город на Лену». В декабре этого года Аввакум был в Тобольске, а в октябре 1656 г. — в Братском остроге. Вот как описывал Аввакум свои злоключения: «Егда приехали к порогу, к самому большому, Падуну — река о том месте шириною с версту, три залавка через всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает, — меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишка просто; льет вода по брюху и по спине, — нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована о кол порога тащили. <...>Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья... А жена с детьми верст с дватцетъ была сослана от меня» [3, с. 33–34].

Как видим, обширные территории по Лене, Витиму, Ангаре и Илиму заселялись не только крестьянами. Почему же тогда материал о знатных ссыльных все-таки не вошел во второй том «Илимской пашни»? Можно только предположить, что в советскую эпоху героями освоения и «приискания новой земли» на востоке империи могли быть представители только «простого» народа, а не «князья», и уж тем более, священнослужители. Недремлющее око Главлита безжалостно вычеркивало подобные «идеологические ошибки» советских авторов. Вероятно, В.Н. Шерстобоеву могли предложить заменить сюжет о князьях, и в ссылке продолжавших, судя по тексту, вести развеселый образ жизни, на материал о революционерах — «невольных гостях» этих мест, пусть даже и из дворян. Именно этими соображениями можно объяснить появление в конце книги параграфа о А.Н. Радищеве.

Совершенно очевидно, что по стилю изложения, подаче фактического материала сюжет о «первом русском революционере» заметно «выпадает» из книги. Здесь у автора другой язык, много общих фраз о «неравной» борьбе с самодержавием и царизмом. По всей вероятности, В.Н. Шерстобоеву был не очень интересен этот герой, и он писал о нем в угоду общепринятым идеологическим стандартам.

Отметим, что сам А.Н. Радищев с большим трудом перенес Илимскую ссылку (1792–1797), неподдельно страдая не от морозов и бытового неустройства, а от непонимания окружавшего его мира. «Проживая в огромных сибирских лесах, среди диких зверей и племен, часто отличающихся от них лишь членораздельной речью, силу которой они даже не в состоянии оценить, — писал бывший управляющий Петербургской таможней своему покровителю графу А.Р. Воронцову 14 февраля 1792 г., — я думаю, что и сам превращусь, в конце концов, в счастливого человека по Руссо и начну ходить на четвереньках» [7, с. 576].

Остановимся на этой гипотезе, тем более, что она вполне научна: В.Н. Шерстобоеву по идеологическим соображениям не дали поставить в книгу параграф «Знатные ссыльные». Следует также сказать, что разрозненные сведения о подобных ссыльных все же встречаются на страницах «Илимской пашни», однако отдельного параграфа им не отведено. Так, во втором томе, к примеру, читаем: «В 1734 году в Усть-Кутский острог пересылается 77 ссыльных для работы на судах Камчатской экспедиции. Среди них находились князь Илья Чюрмантеев и князь Михаила Ураков. Князь Ураков жил в Илимском уезде до своей смерти» [9, с. 623].

Итак, слово документу. Обнаруженный в ГАИО текст, приводится здесь полностью. Стиль изложения, а также орфография и пунктуация оригинала, как того требуют правила, сохранены. При этом в квадратных скобках указаны листы дела № 73, в косых — ссылки, сделанные самим В.Н. Шерстобоевым на Илимский воеводский архив, курсивом даны наши пояснения к тексту.

Знатные ссыльные

[зачеркнуто]

[Л. 67]: Среди ссыльных, попавших в Илимский уезд, несколько человек стали служилыми людьми.

Князь Михаил Ураков, бывший адмиралтейский магазине-вахтер за «начет мундирных вещей» был сослан в 1731 г. из Москвы в Илимск и поселен в Яндинском остроге. Пользуясь слабым надзором за ним, он самовольно переехал в Ново-Удинскую слободу, где женился «на новокрещеной Балаганского ведомства иноземца... на дочери ево». В январе 1740 г. староста, десятские и крестьяне подали следующее доношение приказчику: «мы, нижайшие, со всего согласия мирского и согласясь меж себя выбрали человека доброго в пищики Яндинского ведомства разночинца Михаила Уракова для того, чтобы он, Ураков, человек доброй, [писать] быть годен».

Получив этот выбор, воевода послал старосте, трем десятским и 19 крестьянам, подписавшим приговор, строгий указ: Ураков самовольно живет в Ново-Удинской слободе, вы укрыватели, да еще и выбрали его в писчики. Поэтому «за держание вышеписанного пришлого из Яндинского острогу... и за ложные ваши подписки учинить тебе старосте и десяцким ... публичное жестокое наказание — вместо кнута бить плетьюми нещадно. А вам, рядовым крестьянам, жестокое же наказание батожем, чтоб вам впредь таких пришлых держать было неповадно» /фонд 75, арх. № 970, лл. 41–54/.

По амнистии Елизаветы от 15 декабря 1741 г. Уракову «ево вина прощена и из сылкисвобожден». Он пожелал [Л. 68] остаться в Илимском уезде и попросил назначить его приказчиком Ново-Удинской слободы, где незадолго перед этим более 20 человек были биты плетьюми и батогами за выбор Уракова в писчики.

По указу иркутской провинциальной канцелярии от 1 мая 1747 года Ураков назначается приказчиком. Он приводится в Иркутске к присяге и направляется в Ново-Удинскую слободу, чтобы сменить сотского Мамрукова, правившего там приказчию должность. На Мамрукова крестьяне подали челобитные, обвиняя его в обидах и разорениях /фонд 75, арх. № 1131, лл. 126–127/.

Через год на Уракова поступило в илимскую воеводскую канцелярию какое-то «важное» доношение одного из крестьян. [*Далее перечеркнуто крест-накрест*]. Воевода послал нарочного за князем, но он отказался ехать в Илимск, ссылаясь, что назначен приказчиком из Иркутска. Тогда исправлявший воеводскую должность Семен Воинов посылает двух нарочных и дает им письмо к крестьянам, чтобы они помогли арестовать Уракова /фонд 75, арх № 1331, лл. 8–10/.

Видимо, дело это не дало серьезных материалов о виновности Уракова. Но в 1746 году священник Ново-Удинской слободы переслал в Илимск заявление разночинца Кибирева на Уракова и воевода Своитинов велел привезти его, «сковав в колотку... под караулом». Обвинение состояло в том, что Ураков надорвал на 1 ½ вершка один из указов воеводской канцелярии, заявив при этом, «что де он илимского воеводы не боится». Ураков все это отрицал. В марте 1747 года Своитинов [Л. 69] вынес решение: «хотя за вышеписанное ево, Уракова, дерзновение... надлежало ему, Уракову, учинить жестокое наказание — бить кнутом, токмо за древнею ево, Уракова, старостию наказание уменьшить, а вместо кнута бить батожем нещадно, чтоб впредь ему, Уракову, и на то смотря другим, будущим у дел — чинить так было неповадно и страшно» /фонд 75, опись 2, арх. № 421, л. 107/.

Через 2 года Ураков, перебравшись в Верхоленинский дистрикт, получает место приказчика Бирюльской волости, где пробыл 3 года. Следующие 2 года он служит приказчиком Уриковской слободы Иркутского уезда и затем оказывается не у дел.

В это время крестьяне Ново-Удинской слободы добиваются смены приказчика, иркутского казака Порнова, подав жалобу «о производимых им в судах и обидах и взятках, и чтоб ево за многооказуемыми к ним от него, Порнова, обидами и взятками от прикащичей должности сменить и определить в тое Ново-Удинскую слободу приказчиком бывшего магазейн-вахтера князь Михаила Уракова».

В мае 1756 года Ураков назначается приказчиком в ту Ново-Удинскую слободу, куда он за 12 лет до этого ехал в первый раз на ту же самую должность. Его приводят еще раз к присяге, он подписывается под указами от 24 декабря 1714 г. о лихоимстве и от 25 марта 1738 г. о ревностном собирании казенных доходов и направляется в Ново-Удинскую слободу /фонд 75, опись 2, арх. № 765, лл. 201–202/. С этих пор в течение года под бумагами, исходящими из ново-удинской приказной избы, ставится затей-[Л. 70]ливая и претенциозная подпись приказчика: «бывшей магазейн-вахтер князь Михаила Ураков». Это вышее, чего добился в своей жизни незадачливый обломок княжеского рода. Он умер в 1758 году.

Сын его Федор начал свою карьеру «копеистом» Ново-Удинской слободы. Затем он становится подканцеляристом илимской воеводской канцелярии и просит в 1771 году разрешить ему писаться князем /фонд 75, опись 2, арх. № 1253, лл. 27–28/.

Так как этого вопроса илимская воеводская канцелярия решить не могла, то в 1774 году Федор Ураков выезжает в Иркутск, где просит определить его «в княжеское звание» и зачислить в военную службу. Ему было в это время 39 лет.

По заявлению началась переписка, была допрошена мать Федора, а также крестьяне Яндинской волости /фонд 75, опись 2, арх. № 1375, лл. 35–46/.

Чем кончилось дело, сказать невозможно.

Среди ссыльных, проживавших в Усть-Кутском остроге, появился в 1737 году князь Сергей Ухтомский. Он вместе с пятью другими ссыльными поселился в доме «жителя» Усть-Кутского острога Глазунова и был по болезни освобожден от работ поручиком Гречениновым /фонд 75, опись 2, арх. № 232/.

С 1743 года князь назначается приказчиком Тутурской волости и служит там 4 года. Среди лиц, присягавших в 1743 г. Петру Федоровичу, значится и «присыльной Пошехонского уезду, а Тутурской слободы приказчик князь [Л. 71] Сергей Ухтомской» /фонд 75, арх. № 1068, л. 209/. В том же году бывший приказчик, которого сменил Ухтомский, жаловался в илимскую воеводскую канцелярию, что князь бил его самого и его жену, держал обоих в колоде /фонд 75, опись 2, арх. № 352, л. 155/.

В 1746 г. князь Ухтомский допрашивался в илимской воеводской канцелярии по обвинению в избиении крестьянина. Он заявил: «я ... пашенного крестьянина Ивана Наумова за волосы драл, а он, Наумов, меня, Ухтомского, противотова за волосы драл же, понеже тогда были пьяны». За это Ухтомский бил батожьем Наумова. Вторично наказывал его же за то, что «в его сотке жили многие шатающиеся». Ухтомский бил также писчика Ветошкина. [*Ветошкина — зачекнуто*].

Для подачи заявлений на князя крестьяне выбрали челобитчика и кроме того жаловались священнику. Ухтомский был смещен и против него началось судебное дело /фонд 75, опись 2, арх. № 421, лл. 14–24/. Но крестьяне, не дождавшись решения воеводы, разъехались, а писчик Бобошин и Ухтомский, «поговоря между собою, полюбовно во всем помирились».

Своитинов вынес решение: Ухтомского за непорядочные поступки и пьянство ни к каким делам впредь не определять, а крестьянам предложить подать новое заявление. Но крестьяне, удовлетворившись тем, что князь-самодур был устранен, прислали мировую, уплатив 60 копеек «мировых денег», по 10 копеек с человека /фонд 75, опись 2, арх. № 446, лл. 3–5, 41/.

Иркутская провинциальная канцелярия утвердила ре-[Л. 72]шение Своитинова о смещении Ухтомского /фонд 75, арх. № 2416, л. 314/.

В течение следующих 10 лет об Ухтомском в делах илимской воеводской канцелярии нет никаких упоминаний, если не считать, что по переписи усадебных земель по Тутурской волости в 1755 году упоминается [*упоминается*] *зачеркнуто, сверху написано «числился»*] двор разночинца деревни Кузнецовой князя Сергея Ухтомского /фонд 75, арх. № 2153, лл. 10–15/.

Через 14 лет в братскую приказную избу был представлен неизвестным человеком следующий паспорт: «В силе присланного ея императорского величества правительствующаго Сената в ыркуцкую губернскую канцелярию указа велено киевского драгунского полку бывшего вахмистра князя Василья Ухтомского, которой в ыркуцку прислан был в службу по представлению ея императорского величества тетки евооберфлерены княгини Евдокии Ухтомской, от службы отставить и выпустить во все сибирские города и уезды и до города Тобольска на свое пропитание». Здесь же в делах имеется проба пера — «Адам Бриль», подделка подписи иркутского губернатора.

Братская приказная изба задержала человека, назвавшего себя князем Василием Ухтомским и сообщила 20 августа 1769 г. в Илимск: «пашпорт по усмотрению братской приказной избы явился воровской».

На допросе Ухтомский признался, что он не князь [*«он не князь» — надписано сверху строки*] был вахмистром, а не князем [*«а не князем» вычеркнуто*]

в киевском драгунском полку, арестовывался «за неприятие за герцога присяги», о нем велся розыск в Тайной канцелярии, но он бежал. В течение 10 [Л. 73] лет он жил в [«в» *зачеркнуто, сверху написано «на»*] Камчатке, 5 лет в Жиганске, затем в Якутске и Иркутске.

На допросе в Илимске он сообщил: «был г. Петербурха князей Ухтомских» /крепостным?/, в 1728 году взят в военную службу, которую проводил на польской границе. Отказался присягнуть, «помнится» в 1740 г., за что был бит кнутом, после чего отпущен на поруки родственников, но бежал. В 1769 г. решил ехать в Тобольск, но попался с подложным паспортом. При обыске у него была найдена глиняная печать.

Этот Ухтомский имел 56 лет от роду, ростом 2 аршина 6 вершков, рус, кудреват, лицом бел, глаза серые. «Да от военного случая ранен: у правой руки всех перстов, кроме одного — большего, нет; но и левая рука повреждена; голова рассечена, у левой ноги холка испробита, на левом же боку, под титькою, рана и конец ребра изломан».

Все дело о поимке Ухтомского было выслано в Иркутск /фонд 75, опись 2, арх. № 1187, л. 1/.

По указу из канцелярии Тайных розыскных дел от 2 апреля 1747 г. в Илимск ссылается некто Кристенсон, бывший канцелярист юстиц-коллегии.

Как важного преступника его везли капрал и 3 солдата закованного в ножные кандалы.

Илимский воевода Своитинов назначил Кристенсона «х казакам сотником», отставив прежнего сотника «за пьянство его и за непотребные поступки». Жалование было положено Кристенсону по 10 к. в день.

По челобитью разночинца Чернавского в побоях его [Л. 74] «на банкете», Кристенсон был отставлен от службы 19 июня 1750 г.

Здесь же, в Илимске, он решил жениться, но это намерение неожиданно встретило противодействие воеводы Своитинова, так как жених был «лютерской веры». Кристенсон жалуется в иркутскую провинциальную канцелярию и она направляет его заявление в духовную консисторию. Последняя разъяснила, что илимский воевода неправ.

Затем, по требованию из Иркутска, он осенью 1751 года направляется туда «под присмотром» и там в следующем году каким-то образом оказывается «у исправления полицейской должности».

С 1761 г. Кристенсон назначается в Красноярск «к смотрению полицейской должности городничим». Но там он возбудил недовольство населения, завел штат в 30 десятников вместо положенных трех, и был под конвоем возвращен в Илимск в 1762 г. Этот проходимец, видимо, не желал вернуться на место своей ссылки; он заявил, что нашел около Красноярска руду и просил отправить его в Тобольск /фонд 75, опись 2, арх. № 442, лл. 1–20/.

В переписке о Кристенсоне не менее 5 раз упоминается, чтобы он никому писем не писал.

Таковы «знатные» ссыльные Илимского уезда и такова их карьера.

Изредка сюда, как в отдаленнейший край, попадали важные преступники. Например, в Илимск ссылается инспектор Карл Людвиг Ланг, обвиненный в измене. В письме сибирского губернатора Соймонова от 9 ноября 1759 г. на имя илимского воеводы, указывалось, что Ланг направляется «для содержания под накрепчайшим караулом» Из Тобольска для охраны арестанта были присла-

ны капитан, каптенармус и 3 солдата. Ланг получал в день 10 копеек кормовых денег. До 1763 года этот арестант передавался от одного воеводы другому /фонд 75, арх. № 2550/.

В 1763 г. Ланга отправили на родину в Пруссию. За время его содержания в Илимске было израсходовано на него денег 314 руб. 15 коп. и 422 пуда 6 $\frac{3}{4}$ фун. хлеба /фонд 75, опись 2, арх. № 977, лл. 59–81/.

В Киренском Троицком монастыре в это же время содержался «вечно» какой-то монах Феофилакт. К нему был приставлен караул из 2 казаков. Он не выходил из своей кельи никуда, кроме церкви. Но раз, при выходе от церковного служения, он «всенародно показывал важности государственные». Тогда его выслали в Иркутск, но оттуда немедленно вернули в Киренский монастырь «к неисходному содержанию». Он получал жалование, по 5 коп. в день /фонд 482, арх. № 40/.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. Р-2682. — Оп. 1. — Д. 73.
2. Гольденберг Л. А. Каторжанин — сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф. И. Соймонова / Л. А. Гольденберг. — Магадан : Кн. изд-во, 1979. — 176 с.
3. Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и др. его соч. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979.
4. Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов (очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.) / А. С. Зуев, Н. А. Миненко. — Новосибирск, 1992. — 162 с.
5. Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование / Г. Б. Красноштанов. — Иркутск, 2008. — 378 с.
6. Майдачевский Д. Я. Неопубликованные страницы «Илимской пашни» / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2001. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001.
7. Радищев А. Н. Сочинения / Вступ. статья, сост. и комментарий В. Заподова. — М. : Художественная литература, 1988. — 364 с.
8. Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII века / Г. В. Шебалдина. — М. : Российский гос. гум. ун-т, 2005. — 214 с.
9. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня: в 2 т. — Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. — Изд. второе / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : ОГУП Иркут. обл. тип. № 1, 2001.

Информация об авторе

Иванов Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, Сибирская академия права, экономики и управления, 664025, г. Иркутск, ул. Сурикова, 21, e-mail: ottisk@irmail.ru.

Author

Ivanov Alexander Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Siberian Academy of Law, Economy and Management, 21 Surikova Str., 664025, Irkutsk, e-mail: ottisk@irmail.ru.